

Собственность позволяет реализовывать основные функции социального государства. Обеспечивать гражданам достойный уровень жизни, предоставляет возможность межклассовых перемещений в обществе. Также благодаря наличию собственности социальное государство может влиять на перераспределение доходов граждан, может поддерживать нуждающиеся слои населения. Отсюда следует, для реализации идеи социального государства необходимо поддерживать и обеспечивать гармоничное развитие различных форм собственности. Ведь, как выясняется, развитие собственности является одним из основных факторов развития социального государства и, кроме того предоставляет возможность каждому человеку реализовать свою творческую сущность.

Палий О. Н.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
аспирант кафедры философии*

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ ПРАВОВЫХ НОРМ

Часто возникают ситуации, в частности, на стадии законотворчества, когда жизненно важно определить, какова же вероятность осуществимости правовой возможности, заложенной в том или ином законопроекте. Казалось бы, принятие закона – это и есть осуществление правовой возможности, ее «материализация». Однако дальнейшая судьба принятой законодателем нормы может быть разной: она может успешно функционировать, а может оказаться недействующей, а может порождать такие возможности, которые не были предусмотрены законодателем.

Каждый закон, как и любая правовая норма, содержит свою диспозицию – предписание о том, как следует поступать в условиях, предусмотренных в гипотезе данной нормы. Мы хотели бы обратить внимание на более широкий смысл терминов «диспозиция», «диспозиционность», который распространен в современной философии науки и который, на наш взгляд, может быть использован в философии права. В этом широком понимании каждая норма права в целом диспозиционна, а не только содержит диспозиционную часть. Как доказывает П. К. Гречко, исходные корни смысла терминов «диспозиция», «диспозиционность» связаны с понятиями «предрасположенность», «предусмотренное естественное поведение» и т. п. (Гречко П. К. Диспозиции: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация / П. К. Гречко // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – с. 100), что позволяет увидеть связь диспозиционности с возможностью, неявно присутствующей в изучаемом предмете.

Вокруг понятия диспозиции, диспозиционности в методологии идут споры. К. Поппер все свойства считает диспозиционными, Н. Гудмен видит в каждой вещи определенное сочетание явных и диспозиционных свойств: «Кроме наблюдаемых свойств, которые она демонстрирует, и

актуальных процессов, которые она претерпевает вещь полна угроз и обещаний. Диспозиции или способности вещи – ее гибкость, ее воспламеняемость, ее растворимость – не менее значимы для нас, чем ее очевидное поведение» (Цит. по: Гречко П. К., указ. соч., с. 100). Так дело обстоит и с правовыми возможностями, заложенными в законе, для осуществления которых необходимы определенные условия.

Иную позицию занимает например И. В. О. Куайн, который считает, что «атрибуция диспозиционного предиката объекту отражает лишь неполноту нашего знания о нем. С ним согласен и Д. М. Армстронг: «все истинные свойства... недиспозиционны» (Цит. по: Гречко П. К., указ. соч., с. 100). Однако мы не можем не возразить данному положению, отметив, что неважно каково знание у нас о конкретном объекте – данные свойства либо объективно присущи последнему, либо нет. Другое дело что достаточное (полное) знание об объекте способствует эффективному (правильному) обращению с ним.

Следует также согласиться с П. К. Гречко: «Даже если диспозиция составляет атрибутивное свойство вещи, все равно она в полной мере проявляет себя только в конкретных обстоятельствах, или, иначе говоря, «по ситуации» (Гречко П. К., указ. соч., с. 102). Поэтому необходимо еще на стадии законотворчества учитывать (предусматривать) определенные ситуации, для которых рассчитана данная правовая возможность.

Например, при принятии нового Уголовного процессуального кодекса Украины подразумевалось, что его нормы будут более полно защищать права и возможности всех участников процесса, в том числе потерпевших. Однако на деле оказывается, что некоторые новшества могут привести к прямо противоположному результату. Происходит это потому, что условия применимости нормы не сформулированы четко. Например, некоторые действия, предусмотренные нормой, не эксплицированы во временном отношении.

Так, гражданин, обратившись с заявлением в правоохранительные органы о совершенном в отношении него преступлении, рассчитывает на быстрое, полное и всестороннее расследование.

Вместе с тем, процессуальный срок расследования исчисляется (согласно ст. 219 УПК) с момента вручения подозреваемому сообщения о подозрении, а срок с момента совершения преступления и до сообщения о подозрении никоим образом не устанавливается и, следовательно, является неопределенным, что может привести к нарушению прав потерпевшего. Исключение составляет только случай, предусмотренный п.1ч.1ст.276, где указано время вручения сообщения о подозрении (задержание лица на месте совершения уголовного правонарушения, а также непосредственно после его совершения). Диспозиция нормы, таким образом, включает в себя скрытое свойство, не учтенное законодателем.

В данном кодексе содержатся и другие положения, касающиеся процессуальных сроков, в которых нарушена четкость изложения, содержится неопределенность и неоднозначность в исчислении процессуальных сроков. Например «разумные сроки», «необходимые для исполнения», «кратчайшие сроки», «при наличии достаточных оснований» и т. д., которые, на первый взгляд, не вызывают подозрения, однако без соответствующих уточнений вносят двусмысленность в понимание, в применение и, в конечном счете, ведут к нарушению прав участников уголовного процесса. Например, размытость временного отрезка от совершения преступления до сообщения о подозрении может привести активизации возможностей, неявно содержащихся в тексте нормы – уклонение преступника от ответственности, коррупционных действий сотрудников правоохранительных органов и др.

Таким образом, лишь учитывая диспозиционность свойств правовых возможностей, заложенных в правовых нормах, мы можем предусмотреть перспективы реализации нормативно-правового акта. Важно учитывать диспозиции в процессе подготовки норм права, а не после их практической апробации.

Гайтан В. В.

*Національний університет «Одеська юридична академія»,
аспірант кафедри філософії*

ПОРУШЕННЯ ПРАВ ЛЮДИНИ В СОЦІАЛЬНИХ МЕРЕЖАХ (КЛАСИФІКАЦІЙНИЙ АНАЛІЗ)

За останні сім років величезної популярності набули сайти соціальних мереж (англ. – social network sites, скорочено – SNS). Це сайти, що дозволяють користувачам завантажувати інформацію на загальнодоступний профайл, створювати он-лайн список друзів і переглядати профайли інших користувачів. Соціальна мережа – соціальна структура, утворена індивідами або організаціями. Вона відображає зв'язки між ними через різноманітні соціальні взаємовідносини, починаючи з випадкових знайомств і закінчуючи тісними родинними вузами. Зазначимо, що Інтернет швидко став основним інструментом для здійснення права на вираження думок, ідей, поглядів реалізації права на свободу слова. Утім, через різноманітність змісту і простоти використання, Інтернет-інформація стала спірною і суперечливою та може використовуватися в різних цілях. З одного боку, наприклад, це дозволяє отримати відомості про поточні події в країнах, де інші засоби масової інформації піддаються жорсткій цензурі; з іншого – Інтернет може бути використаний з метою сприяння вчиненню правопорушення, і навіть злочину. (Турута О. Інтернет і право на свободу слова (порівняльно-правовий аспект) // Публічне право. – 2012. – № 4 (8), с. 31–32). Насамперед хочеться зазначити, що першочергово Інтернет